

Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях

И. Н. Тимофеев¹, Ю. С. Соколыцик², В. А. Морозов²

¹ МГИМО МИД России,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

² Российский совет по международным делам,

Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский пер., 8

Для цитирования: Тимофеев И. Н., Соколыцик Ю. С., Морозов В. А. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 405–420.

<https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404>

Эскалация санкционного давления и расширение спектра используемых против России санкций обосновывают важность исследований международного опыта противодействия ограничительным мерам. В статье рассмотрены особенности применения санкций в отношении Ирана, их влияние на экономику государства, а также механизмы и способы его адаптации к ограничительным мерам западных стран. Авторы определяют типологические сходства, ввиду которых изучение иранского опыта значимо для России, и различия, которые заслуживают внимания с точки зрения понимания возможностей России на данном направлении. Иран находится под санкциями уже несколько десятилетий, против него применены масштабные и многочисленные ограничения. Ядерная сделка позволила ослабить санкционное давление лишь на короткий промежуток, доказав, что подобные соглашения об уступках страны-цели в ответ на снятие ограничений государствами-инициаторами не всегда устойчивы. В результате анализа определены основные этапы введения санкций против Ирана. Авторы отмечают тренд на санкции в отношении энергетического и финансового сектора и постоянное его ужесточение, а также расширение числа участников коалиции стран-инициаторов санкций и резолюции Совета Безопасности ООН по мерам в отношении Ирана. Санкции СБ ООН рассматриваются как серьезные меры с точки зрения внешнеполитических последствий. Кроме того, авторами раскрыты ключевые элементы политики Ирана в области противодействия санкциям и адаптации экономики к ним. В качестве таких составляющих указаны меры, связанные со структурными изменениями в экономике, оптимизация социальной сферы, использование несовершенств режимов санкций, диверсификация международных партнеров. Таким образом, опыт Ирана в области адаптации к санкциям можно, скорее, охарактеризовать как успешный и востребованный для России, несмотря на иные стартовые позиции.

Ключевые слова: санкции, Иран, Совет Безопасности ООН, контрмеры, Россия.

Введение

После 24 февраля 2022 г. в отношении России был введен беспрецедентно широкий набор экономических санкций со стороны западных стран. Ограничительные меры затронули российский финансовый сектор, добывающие отрасли, транспорт и промышленность. Инициаторы санкций использовали практически все су-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ществующие виды ограничений. В их числе — блокирующие финансовые санкции, секторальные финансовые санкции, меры экспортного контроля в отношении промышленных товаров, технологий и продукции двойного назначения, ограничения на импорт ряда товаров из России, включая нефть, уголь, продукцию черной металлургии и др. В числе санкций также и транспортные ограничения — запреты на доступ в воздушное пространство целого ряда стран, в их аэропорты и морские гавани, ограничения на использование автомобильных дорог и др. Партнеры России из дружественных стран сталкиваются с риском вторичных санкций, а также административного и уголовного преследования со стороны властей государств — инициаторов санкций [1].

Практическая острота проблемы заставляет детально исследовать опыт зарубежных стран, которые также находятся под давлением западных санкций. Для России наиболее значимым представляется опыт применения ограничительных мер в отношении Исламской Республики Иран, а также ее опыт в области адаптации и противодействия санкциям. Актуальность иранского опыта для России определяется сразу несколькими причинами.

Прежде всего, в отношении Ирана также был использован самый широкий набор ограничений. До сих пор от санкций страдает финансовый сектор. Ограничены возможности иранского экспорта нефти, а также импорта необходимых промышленных товаров и оборудования. Как и в отношении России, санкции вводились сразу по нескольким политическим проблемам. Помимо ядерной программы, здесь можно отметить права человека, политику на Ближнем Востоке, деятельность Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и других структур. Кроме того, Иран имеет типологические сходства с Россией, будучи крупным экспортером нефти и газа.

Естественно, между Ираном и Россией есть и типологические отличия. Российская экономика более емка и диверсифицирована, Россия является постоянным членом СБ ООН и ядерной державой, у России больше возможностей балансировать давление западных стран встречными мерами. Еще одно отличие состоит в скорости введения санкций. Россия в течение нескольких месяцев получила набор ограничений, который Иран получил за 43 года. Однако указанные отличия не влияют на объемы применяемых мер и не обесценивают понимание того опыта, который Иран наработал за более чем сорокалетнюю историю сопротивления давлению санкций.

Если сравнивать Россию с другими странами — мишенями западных санкций, то типологических отличий между ними будет больше, чем между Россией и Ираном. Так, например, Китай также является крупной ядерной державой. Но объем санкций в отношении КНР пока несравнимо меньший. В сравнении с Россией, Китай обладает более значительными возможностями нанести встречный ущерб странам-инициаторам. Северная Корея уже в течение долгого времени живет в режиме колоссального санкционного давления. Но организация экономики, политической системы и общества КНДР существенно отличаются от российских, что затрудняет сравнение их опыта. Венесуэла, в отличие от Ирана, — менее крупный игрок, хотя и является значимым экспортером нефти. Изучение ее опыта полезно само по себе, но типологическая дистанция от России здесь выше, равно как и дистанция от других стран, испытывающих санкционное давление. Отечественная прикладная наука должна иметь доскональное представление о специфике санк-

ций в отношении таких стран. Однако изучение иранского опыта представляется наиболее востребованным.

Целью предлагаемой статьи является обзор ключевых тенденций применения санкций в отношении Ирана со стороны США и других инициаторов. Будут рассмотрены основные направления политики Ирана по противодействию таким мерам и адаптации к применяемым ограничениям.

Санкции против Ирана: ключевые направления и этапы

Впервые страна столкнулась с санкциями (эмбарго на импорт нефти, а также отзыв технического персонала) в 1951–1954 гг. в результате попытки национализации «Англо-иранской нефтяной компании». В конечном итоге была проведена совместная операция британских и американских специальных служб по отстранению от власти премьер-министра М. Мосаддыка. Решения о национализации нефтяной промышленности было пересмотрено в пользу создания международного консорциума по управлению нефтедобычей в стране.

Следующий этап последовал после Исламской революции 1979 г. и захвата американских заложников. В соответствии с указом президента США № 12170 [2] от 14 ноября 1979 г. собственность правительства Ирана, включая Центральный банк и прочие агентства и ведомства, на территории США была заблокирована. В дальнейшем санкции трансформировались в запрет на предоставление кредитов и поставку любых товаров, за исключением медикаментов, продуктов питания и прочих гуманитарных грузов, в рамках указов № 12205 [3] от 7 апреля 1980 г. и № 12211 [4] от 17 апреля 1980 г. Большинство указанных санкций (за исключением блокировки активов правительства Ирана и Центрального банка страны) были отменены указом № 12282 [5] от 19 января 1981 г. Здесь же стоит отметить признание Ирана страной — спонсором терроризма со стороны Государственного департамента США в 1983–1984 гг. и запрет на импорт из Ирана, введенный 29 октября 1987 г. указом № 12613 [6].

Следующий этап расширения ограничительных мер начался в 1995–1997 гг. уже в связи с развитием иранской ядерной программы. Указы президента США № 12957 [7], 12959 [8] и 13059 [9] были направлены на запрет инвестиций в нефтегазовую отрасль и собственность правительства Ирана (включая собственность агентств и других юридических лиц, подконтрольных ему), а также запрет на передачу любых товаров и технологий, подпадающих под законодательство об экспортном контроле. Однако гораздо более важным на этом этапе развития ограничительных мер стало включение в процесс усиления санкций американских законодателей. В августе 1996 г. Конгресс США принял так называемый Закон о санкциях против Ирана и Ливии [10] (*Iran and Libya Sanctions Act, ILSA*), который в 2006 г. был модифицирован в Закон о санкциях против Ирана (*Iran Sanctions Act, ISA*) в связи с отменой санкций против Ливии. Хотя в части ограничительных мер закон в целом повторял положения перечисленных выше указов президента США (были также добавлены запреты на поставку нефтепродуктов, предоставление и страхование судов), именно в рамках *ILSA (ISA)* впервые появился тезис о необходимости дипломатических усилий по формированию коалиции стран, осуществляющих политику ограничительных мер в отношении Ирана, а также принцип

экстерриториальности санкций, когда регуляторы США получили возможность вводить санкции против физических и юридических лиц третьих стран, нарушающих американские санкции. Впрочем, подобная практика не получила развития из-за опасения правительства США осложнить отношения со своими союзниками в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Следующим этапом стало введение международных санкций, утвержденных Советом Безопасности ООН. Резолюция СБ ООН 1696 [11], принятая в 2006 г., требовала от Ирана прекратить все работы, связанные с ядерной программой страны, включая исследования, и обозначала возможность введения санкций со стороны ООН. В дальнейшем, поскольку правительство Ирана отказалось выполнять положения резолюции 1696, в конце 2006 г. была принята резолюция 1737 [12], в соответствии с которой запрещались поставка товаров и другого оборудования, которое могло быть использовано в ракетно-ядерной программе Тегерана, а также связанные с поставками указанных материалов финансовые операции. Кроме того, в список персональных санкций было внесено 12 физических и 10 юридических лиц, чьи активы подлежали заморозке. Однако в дальнейшем в рамках резолюции 1747 [13] под ограничительные меры попал экспорт и импорт обычных вооружений, ряд организаций и руководителей КСИР. Помимо этого, резолюция призвала все страны воздержаться от финансовой и другой помощи (за исключением гуманитарной), а также от предоставления кредитов и субсидий Тегерану. В свою очередь резолюция 1803 [14] расширила список иранских физических и юридических лиц, в отношении которых распространялся запрет на выдачу виз, а также в поле зрения впервые попадают иранские банки и их филиалы (в основном через мониторинг со стороны ФАТФ).

Наиболее серьезные ограничения со стороны ООН последовали в 2010 г. в рамках резолюции СБ ООН 1929 [15]. Помимо расширения ограничительных мер в отношении иранских судов, подозреваемых в перевозке запрещенных материалов для ракетно-ядерной программы Тегерана, запрещались любые иностранные инвестиции в технологии и проекты, связанные с ракетными и ядерными технологиями. Кроме того, расширялись ограничения в финансовой сфере — любой иранский банк, который мог быть заподозрен в финансировании или другом содействии ядерной программе, автоматически подпадал под финансовые санкции, которые заключались в запрете на финансовые операции с ним, а также запрете на открытие филиалов за рубежом. Наконец, резолюция указывала на связь доходов от экспорта иранской нефти и газа и финансирования ядерной программы, что стало значимым аргументом в пользу дальнейшего ужесточения санкций в отношении энергетического сектора страны.

Отличительной особенностью третьего этапа санкций против Ирана в 2010–2015 гг. является не столько появление принципиально новых ограничительных мер, сколько ужесточение уже обозначенного тренда на санкции в отношении энергетического и финансового сектора, экстерриториальности санкций США, а также расширение числа участников санкционной коалиции. В частности, Закон о всеобъемлющих санкциях, привлечении к ответственности и снижению инвестиций в Иране [16] (*Comprehensive Iran Sanctions, Accountability and Divestment Act, CISADA*) в два раза снижал порог по максимальному объему транзакций с подсанкционными отраслями, запрещал экспорт американских товаров в Иран и им-

порт иранских товаров в США, расширял возможности для санкций в отношении любого иранского и других зарубежных банков, заподозренных в нежелательных транзакциях, а также усиливал принцип экстерриториальности санкций США. Дополнительные ограничения были введены в рамках Закона о снижении иранской угрозы и правах человека в Сирии (*Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act*) [17], в рамках которого вводились санкции в отношении поставщиков судов для перевозки иранской нефти, а также страховых компаний. Кроме того, финансовые санкции распространялись и на обязательства суверенного долга Ирана. Наконец, в Закон об ассигнованиях на нужды национальной обороны на 2013 финансовый год (*National Defence Authorization Act for Fiscal Year 2013, NDAA*) [18] был включен Акт о свободе Ирана и ядерном нераспространении (*Iran Freedom and Counter-Proliferation Act, IFCA, Sec. 1241*). В рамках IFCA расширялись уже действующие санкции в отношении финансового и энергетического сектора, а также в отношении судов и судовладельцев. Вместе с тем закон сделал ряд послаблений в части покупки иранской нефти третьими странами в случае, если это было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами, а также давал возможность компаниям, прошедшим процедуру оценки санкционных рисков и соблюдающим санкционный режим, избежать вторичных санкций.

В свою очередь, Совет Европейского союза в январе 2012 г. принял решение [19] о запрете поставок иранской нефти и нефтепродуктов в страны — члены Союза, а осенью того же года расширил запрет и на поставки природного газа [20]. Аналогичные меры, пускай и в более ограниченном объеме, были предприняты и со стороны ряда других стран — прежде всего КНР, Индии, Южной Кореи, Японии. Стоит отметить, что причиной санкций ЕС и других стран в отношении Ирана стали не только действовавшие в отношении страны санкции СБ ООН, а также озабоченность развитием ракетно-ядерной программы Тегерана, но и серия штрафов в отношении крупных европейских компаний и финансовых институтов, уличенных американскими регуляторами в нарушении санкций США с использованием либо американской финансовой системы (транзакции в долларах США через корреспондентские счета в американских банках), либо поставок товаров со значительной долей американских технологий. Резкое усиление ограничительных мер в отношении ключевой отрасли экономики Ирана стало одной из предпосылок для изменения курса страны и заключения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) [21], который был согласован в 2015 г. [22].

Итогом подписания СВПД стало снятие большей части санкций в отношении Ирана, включая санкции ООН, а также ограничительные меры США [23], ЕС и ряда других стран в отношении нефтегазового сектора страны. В силе оставались ограничительные меры в отношении поставок вооружений (с некоторыми послаблениями), а также санкции ЕС и США в связи с обвинениями в нарушении прав человека. Даже принятый в 2017 г. Конгрессом и подписанный президентом США Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA*) [24] хотя и указывает Иран в числе ключевых угроз безопасности США, вместе с тем не затрагивает ключевые отрасли иранской экономики.

Однако уже в 2018 г. США в одностороннем порядке вышли из СВПД и возобновили действие санкций [25]. В полной мере американские власти вернули запрет

на импорт нефти и нефтепродуктов из Ирана и отказали в 2019 г. ряду своих союзников в продлении исключений из режима санкций. Кроме того, в отличие от периода 2010–2015 гг. санкции введены в отношении металлургического сектора Ирана [26], машиностроения, текстильной промышленности и строительного сектора [27], а также в отношении любых официальных лиц, назначенных и/или связанных с высшим руководством страны [28]. Вплоть до настоящего времени указанные санкции продолжают действовать, несмотря на возобновление переговоров по СВПД. Бизнес из ЕС и ряда других стран вынужден был прекратить работу в Иране или сократить ее объемы в связи с риском вторичных санкций или же уголовного и административного преследования со стороны властей США.

Влияние санкций на экономику Ирана

Оценку непосредственного влияния санкций на иранскую экономику затрудняют недостаток надежных источников данных, а также сложность вычленения фактора санкций в сравнении, например, с влиянием ценовой конъюнктуры на мировых энергетических рынках, динамики мировой экономики и т. п. Впрочем, данная проблема присуща изучению практически всех стран-мишеней, включая Россию.

Одним из очевидных последствий влияния санкций на Иран на начальных этапах их применения стала потеря американского рынка для иранского нефтяного экспорта. С пиковых значений в более чем 550 тыс барр. в день он снизился до нуля к началу 1990-х годов [29]. Исследования 1999–2001 г. [30; 31] и 2005 г. [32] оценивали ежегодные потери Ирана от первых этапов санкций США в промежутке от 777 млн до 2,6 млрд долл. Более подробная информация об ущербе, нанесенном ограничительными мерами Ирану, доступна за 2010–2015 гг. Основной мишенью санкций США и других стран стали доходы Ирана от экспорта энергоресурсов, составлявшие на тот период значительную часть доходов государственного бюджета. Вследствие ограничительных мер экспорт сырой нефти из Ирана снизился с максимума в 2,5 млн баррелей в день в 2011 г. до чуть более 1 млн баррелей в день в 2014–2015 гг. [33]. При этом основное снижение экспорта было достигнуто за счет поставок в страны ЕС (600 тыс. баррелей в день), санкции не привели к полной остановке поставок нефти в ряд стран, включая Китай, Японию, Южную Корею, Индию и Турцию (снижение составило от 15 % в случае КНР и до 50 % в остальных случаях) [33]. На этом фоне примечательной выглядит динамика изменения ВВП страны. Если на фоне введения наиболее жестких санкций в 2012 г ВВП Ирана сократился на 7,4 %, то уже в 2013 г. падение составило всего 0,19 % и сменилось ростом на 4,6 % в 2014 г. [34]. Ряд исследователей [35; 36] также отмечают среди негативных эффектов санкций в отношении Ирана резкий рост темпов инфляции (до 40 % в 2013 г.) [37], падение занятости (уровень безработицы и неполной занятости к 2014 г. составлял 20 % экономически активного населения [33]) и в целом серьезный ущерб теневой экономике страны, позволявшей значительной части населения сглаживать последствия как внешних ограничительных мер, так и мер государства по преодолению санкций.

По оценкам МВФ, повторное введение санкций США в 2018 г. привело к падению ВВП на 2,3 % в 2018 и 1,3 % в 2019 г. [38]. Кроме того, несмотря на рост экспорта

нефти в Китай после введения санкций, остальные покупатели предпочли полностью отказаться от импорта иранской нефти на фоне опасений вторичных санкций со стороны США. В 2020 г. ситуация относительно стабилизировалась, рост ВВП составлял уже 1,8 %, в 2021 г. — 4 %, в 2022 г. — 3 % [38]. При этом рост потребительских цен составил до 40 % в годовом исчислении в 2021 г. В 2022 г. соответствующие показатели были на уровне 32,3 %. В 2023–2024 гг. прогнозируется их дальнейшее незначительное снижение [39].

В перспективе новый виток американских ограничительных мер окажет гораздо более негативные последствия на иранскую экономику по ряду причин. В первую очередь, США не продлили ряд исключений из санкционного режима, касающиеся поставок иранской нефти в обмен на постепенное сокращение поставок. Во-вторых, большинство партнеров Ирана, включая страны ЕС, а также страны АТР в меньшей степени готовы идти на нарушение американских ограничительных мер, опасаясь вторичных санкций. Несмотря на заявления руководства отдельных стран о том, что они не намерены соблюдать ограничительные меры США, международный бизнес гораздо более серьезно относится к американским санкционным программам [40]. В-третьих, санкции частично совпали с пандемией COVID-19, которая привела к остановке многих производств и цепочек глобальной стоимости. В результате экспорт нефти в Китай сократился [33], что вместе с дальнейшим падением цен на энергоносители привело к выпадению значительной части бюджетных доходов.

Политика Ирана по адаптации к санкциям: ключевые элементы

Меры правительства Ирана по противодействию санкциям и адаптации экономики и социальной сферы к их последствиям можно разделить на несколько основных групп.

К первой группе относятся меры, связанные со структурными изменениями в иранской экономике. Они сводились к нескольким направлениям [37]:

— ограничение доли нефтегазовых доходов в общей доходной части бюджета (ограничение доли доходов от экспорта нефти и газа 40 % бюджета, а также отчисление не менее 20 % доходов от продажи нефти и газа в Фонд национального развития, ФНР);

— бюджетная дисциплина и контроль государственных расходов;

— диверсификация экспорта с целью балансирования импорта доходами от ненефтяного экспорта. Меры включали поддержку экспорта продукции нефтехимической, сталелитейной и горнорудной промышленности, сельского хозяйства, а также традиционных товаров и предметов роскоши путем обнуления или заморозки действовавших экспортных пошлин. Здесь же отмечаются меры по субсидированию транспортных расходов, конгрессно-выставочной деятельности и созданию новых производств;

— использование средств ФНР для поддержки производства в экспортно ориентированных отраслях;

— развитие налоговой системы, включая увеличение собираемости обязательных платежей (в первую очередь НДС) [41];

— стабилизация финансовой системы, включая плавную девальвацию национальной валюты, ограничение на выдачу и вывоз зарубежной валюты, а также ограничения на импорт ряда товаров, аналоги которых производились в стране.

Вторая группа мер по адаптации к неблагоприятным условиям внешней конъюнктуры связана с оптимизацией социальной сферы. Наиболее характерным примером здесь является введение системы электронных карточек для населения при покупке бензина, так как импорт нефтепродуктов также попал под ограничения. В результате введения лимита объема бензина, который граждане страны могли приобрести по льготным ценам, потребление бензина в целом оставалось стабильным на всем этапе действия санкций в 2010–2015 гг.

Третий набор мер включает использование несовершенств и исключений из действующих санкционных режимов, а также прямое нарушение международных санкций. В частности, под санкции попадали перевозки товаров, в том числе продуктов нефтепереработки, морским и воздушным транспортом, однако перевозки автомобильным транспортом под санкции не попадали, чем активно пользовался Иран в качестве одного из главных автотранспортных хабов Ближнего и Среднего Востока [42; 43]. Также обычно отмечается активное использование подставных и так называемых полугосударственных компаний, т. е. формально частных (поскольку санкции не распространялись на частные компании), но в силу исторических особенностей действующих в тесной связке с органами государственной власти [37]. Наконец, практика обхода санкционных ограничений включала, помимо откровенно нелегальной деятельности (в виде подделки документов при торговле нефтью и отключения на танкерах и транспортных судах систем, отслеживающих их местоположение), более изощренные механизмы, которые обычно использовали малые и средние предприятия стран Восточной Европы и в меньшей степени АТР, не связанные с рынками США или ЕС.

Четвертая группа мер по обходу санкционных ограничений связана с диверсификацией сети международных партнеров. Данные меры наиболее часто используются не только Ираном, но и другими странами, попавшими под ограничительные меры. Здесь Ирану пригодился опыт 1980-х годов, когда на фоне потери американского рынка сбыта нефти правительству удалось переориентировать экспорт на рынки других стран, прежде всего — стран АТР. В 2010–2015 гг. Иран активно развивал контакты не только с Китаем, ставшим ключевым покупателем иранской нефти, но с Малайзией, Индией, Турцией, Россией, Беларусью, а также Украиной. С целью преодоления санкций в банковской сфере, которые серьезно усложняют процесс оплаты поставок товаров и услуг, правительство страны активно поддерживало внешнюю экспансию иранских банков (в первую очередь в страны с нестабильной социально-политической обстановкой с целью избежания пристального валютно-финансового контроля, в том числе Ирак), а также поддерживало переход на расчеты с партнерами как в национальных валютах, так и с частичным использованием бартерных схем, включающих поставки товаров в счет поставок нефти и нефтепродуктов.

Здесь же стоит отметить новый механизм обхода односторонних санкций США. Решение о повторном введении санкций США в отношении Ирана в 2018 г. вызвало резкую критику в Европейском союзе, который считает достигнутые в рамках СВПД договоренности удачными. Кроме того, новые санкции привели к отка-

зу многих крупных европейских компаний от бизнес-проектов в Иране [33] из-за опасений вторичных санкций. В результате ЕС и Иран пришли к договоренности о необходимости создания нового платежного механизма, который обеспечивал бы транзакции в национальных валютах, тем самым не давая возможности американским регуляторам отследить нежелательные, с их точки зрения, транзакции (поскольку большая часть информации о данных транзакциях поступает именно через банковскую систему), и отличался от уже действующей системы SWIFT. Новый механизм — INSTEX (Instrument in Support of Trade Exchanges) был создан ЕС в январе 2019 г. [44]. В дополнение к нему в середине 2019 г. в Иране был создан STFI (Special Trade and Finance Instrument). Официальный запуск нового механизма, по сообщению Еврокомиссии, состоялся в феврале 2020 г. [45]. Вместе с тем в данный момент INSTEX имеет ряд серьезных недостатков. Первая — ограниченный мандат. В рамках механизма разрешается оплачивать поставки продуктов питания, медикаментов и медицинского оборудования и других товаров гуманитарного назначения. Однако указанные группы товаров не подпадают под новые санкции США. Кроме того, США и Швейцария заключили соответствующее соглашение о том, что платежные операции, связанные с поставками товаров гуманитарного назначения в Иран, не будут являться целью американских санкционных регуляторов [46], что также отражено в генеральной лицензии Министерства финансов США [47]. При этом INSTEX будет иметь значение для Ирана в случае, если через данный механизм можно будет проводить оплату поставок иранской нефти в страны ЕС и АТР и ее импорт из ЕС и АТР в Иран.

Второй проблемой INSTEX является уязвимость механизма по отношению к действиям американских санкционных регуляторов. Поскольку, как и SWIFT, он представляет собой частную компанию, и США имеют возможность внести INSTEX в список SDN, если через INSTEX будут проводиться нежелательные, по мнению США, транзакции. Хотя для Ирана подобные действия вряд ли будут иметь особое значение, для ЕС это станет серьезной проблемой, так как большинство европейских компаний будет стараться обходить INSTEX стороной из-за опасений вторичных санкций США.

Наконец, пятая группа мер по адаптации и противодействию санкционным ограничениям связана с дипломатическим фактором. Правительство Ирана отдавало себе отчет в том, что указанные меры являются «экономикой сопротивления» [48], а не экономикой развития. Именно поэтому одним из основных направлений внешней политики стало поддержание диалога с группой «5 + 1» с целью снятия противоречий между Ираном и международным сообществом и последующей отменой санкций. В настоящее время Иран активно ведет переговоры по возобновлению ядерной сделки, рассчитывая на последующее смягчение санкций.

Выводы из иранского опыта для России

Очевидно, что санкции в отношении России по целому ряду параметров будут отличаться от ограничений в отношении Ирана. Отличаются поводы для введения санкций, особенности экономики, характер переговорного процесса с инициаторами санкций, опыт адаптации экономик и т. п. Тем не менее в иранском опыте есть целый ряд составляющих, которые России следует принять во внимание.

Прежде всего, иранский опыт показывает, что нормативно-правовая база в странах-инициаторах обретает характер «паутины законов». Особенно это присуще режиму санкций США. За десятилетия существования подобного режима накопился большой пласт законов, ограничивающих исполнительную власть в отмене ограничительных мер. Опыт СВПД показал, что «паутина законов» и позиция законодательной власти препятствуют появлению устойчивых соглашений. Д. Трамп, выступавший против СВПД, с легкостью отменил обязательства, возникшие в период президентства Б. Обамы, поскольку они не были зафиксированы в виде международного договора, утвержденного Сенатом США. Похожая ситуация с большой вероятностью возникнет и на российском направлении. Все больше ограничительных мер США будет фиксироваться в виде статутов, ограничивая исполнительную власть в отмене санкций даже тогда, когда для этого будут предпосылки. Данная проблема есть и на уровне Европейского союза. Здесь отмена или даже смягчение санкций потребует единогласного решения Совета ЕС. Иранская тематика вряд ли может считаться камнем преткновения в рядах ЕС. Но таковым однозначно может стать политика в отношении России. В сухом остатке, институциональная структура принятия решений о санкциях в США, ЕС и других странах-инициаторах может сковать возможности дипломатического торга, в котором санкции являются одной из составляющих. Институциональная инерция консервирует санкции на годы вперед.

Другой важный урок из опыта Ирана состоит в том, что ущерб экономике от санкций может быть колоссальным. Вместе с тем санкции далеко не всегда способны привести к экономическому коллапсу. Иран достаточно быстро адаптировался к новым вызовам, диверсифицируя свои рынки, снижая социальные последствия санкций или изобретая способы их обхода. Адаптация не могла компенсировать всех потерь, но позволяла вплоть до настоящего времени сохранять экономику, развивать целый ряд отраслей и при этом настойчиво продвигать свои внешнеполитические интересы. Стартовые возможности российской экономики представляются более внушительными, поэтому у России еще больше шансов адаптироваться к режиму санкций. Однако следует быть готовыми к неизбежным перекосам экономики из-за вмешательства политических факторов, дефициту отдельных товаров, снижению их качества и т. п. Санкции будут вносить свой негативный вклад в экономический рост и показатели человеческого развития.

Третий урок состоит в том, что санкции США являются определяющими в сравнении с режимами других инициаторов. Тот факт, что ЕС, Великобритания и остальные страны отказались следовать примеру США в выходе из СВПД в 2018 г., мало что дал Ирану с точки зрения сохранения иностранных инвестиций. США являются лидером в области применения вторичных санкций и принудительных мер за нарушение своих режимов ограничений. Международный бизнес воспринимает угрозу столь серьезно, что ориентируется в данном случае на законодательство США, а не на установки своих собственных юрисдикций. В отношении России подобная закономерность сохранится.

Нужно учитывать и то, что новые санкции против России открывают новые возможности для двусторонних экономических отношений с Ираном. Раньше российский бизнес был стеснен зарубежными режимами санкций, так или иначе влиявших на сделки с иранскими партнерами. Теперь же российским крупным компаниям, попавшим под западные санкции, попросту нечего терять в работе с Ира-

ном. Они могут расширять свою работу со страной без оглядки на риск западных вторичных санкций.

Литература

1. Тимофеев, И. Н. (2020), Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 4, с. 136–152.
2. Executive Order 12170 of November 11, 1979: Blocking Iranian Government property, *Office of the Federal Register*. URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12170.html> (дата обращения: 23.09.2022).
3. Executive Order 12205 of April 17, 1980: Prohibiting Certain Transactions with Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/Executive%20Order%2012205.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
4. Executive Order 12211 of April 17, 1980: Prohibiting Certain Transactions with Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12211.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
5. Executive Order 12282 of January 19, 1981: Revocation of Prohibitions Against Transactions involving Iran, *Office of the Federal Register*. URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12282.html> (дата обращения: 23.09.2022).
6. Executive Order 12613 of October 29, 1987: Prohibiting imports from Iran, *Office of the Federal Register*. URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12613.html> (дата обращения: 23.09.2022).
7. Executive Orders 12957 of March 15, 1995: Prohibiting Certain Transactions with Respect to the Development of Iranian Petroleum Resources, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12957.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
8. Executive Order 12959 of May 6, 1995: Prohibiting Certain Transactions with Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12959.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
9. Executive Order 13059 of August 19, 1997: Prohibiting Certain Transactions with Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/13059.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
10. Public Law 104-172: *Iran and Libya Sanctions Act signed on 5 August 1996*, *U.S. Congress*. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
11. Резолюция 1696 от 31 июля 2006 г., принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании, *ООН*. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1696\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1696(2006)) (дата обращения: 23.09.2022).
12. Резолюция 1737 от 23 декабря 2006 г., принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании, *ООН*. URL: [https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1737\(2006\)&Lang=R](https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1737(2006)&Lang=R) (дата обращения: 23.09.2022).
13. Резолюция 1747 от 24 марта 2007 г., принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании, *ООН*. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1747\(2007\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1747(2007)) (дата обращения: 23.09.2022).
14. Резолюция 1803 от 3 марта 2008 г., принятая Советом Безопасности на его 5848-м заседании, *ООН*. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1803\(2008\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1803(2008)) (дата обращения: 23.09.2022).
15. Резолюция 1929 от 9 июня 2010 г., принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании, *ООН*. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1929%20\(2010\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1929%20(2010)) (дата обращения: 23.09.2022).
16. Public Law 111-195 of July 7, 2010: Comprehensive Iran Sanctions, Accountability and Divestment Act, *U.S. Congress*. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/hr2194.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
17. Public Law 112-158 of August 10, 2012: Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act, *U.S. Congress*. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ158/PLAW-112publ158.htm> (дата обращения: 23.09.2022).
18. Public Law 112-239 of January 2, 2013: National Defence Authorization Act for Fiscal Year 2013, *U.S. Congress*. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/pl112_239.pdf (дата обращения: 23.09.2022).
19. Council Decision 2012/35/CFSP of 23 January 2012 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran, *Official Journal of the European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:019:0022:0030:EN:PDF> (дата обращения: 23.09.2022).

20. Council Decision 2012/635/CFSP of 23 January 2012 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran, *Official Journal of the European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:282:0058:0069:EN:PDF> (дата обращения: 23.09.2022).
21. Graaf, Th. Van de (2013), The “Oil Weapon” Reversed? Sanctions Against Iran and US-EU Structural Power, *Middle East Policy*, vol. 20 (3), pp. 145–163.
22. *Joint Comprehensive Plan of Action signed in Vienna on 14 July 2015, Council of the European Union*. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/iran_joint-comprehensive-plan-of-action_en.pdf (дата обращения: 23.09.2022).
23. Executive Order 13716 of January 16, 2016: Revocation of Executive Orders 13574, 13590, 13622, and 13645 with Respect to Iran, Amendment of Executive Order 13628 with Respect to Iran, and Provision of Implementation Authorities for Aspects of Certain Statutory Sanctions Outside the Scope of U.S. Commitments under the Joint Comprehensive Plan of Action of July 14, 2015, *U.S. Government Publishing Office*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201600020/pdf/DCPD-201600020.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
24. Public Law 115-44 of August 2, 2017: Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act, *U.S. Government Publishing Office*. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-115publ44> (дата обращения: 23.09.2022).
25. Executive Order 13846 of August 6, 2018: Reimposing Certain Sanctions with Respect to Iran, *U.S. Federal Register*. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/08/07/2018-17068/reimposing-certain-sanctions-with-respect-to-iran> (дата обращения: 23.09.2022).
26. Executive Order 13871 of May 8, 2019: Imposing Sanctions with Respect to the Iron, Steel, Aluminum, and Copper Sectors of Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13871.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
27. Executive Order 13902 of January 10, 2020: Imposing Sanctions with Respect to Additional Sectors of Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13902.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
28. Executive Order 13876 of June 24, 2019: Imposing Sanctions with Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13876.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
29. U.S. Imports from Iran of Crude Oil and Petroleum Products, *U.S. Energy Information Administration*. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIM_NUS-NIR_2&f=A (дата обращения: 23.09.2022).
30. Preeg, E. H. (1999), *Feeling Good or Doing Good with Sanctions: Unilateral Economic Sanctions and the U.S. National Interest*, Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies.
31. Askari, H., Forrer, J., Teegen, H. and Yang, J. (2001), US Economic Sanctions: Lessons from the Iranian Experience, *Business Economics*, vol. 36 (3), pp. 7–19.
32. Torbat, A. E. (2005), Impacts of the US Trade and Financial Sanctions on Iran, *The World Economy*, vol. 28 (3), pp. 407–434.
33. Iran Sanctions, *Report by Congressional Research Service (updated on April 14, 2020), U.S. Congress*. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS20871.pdf> (дата обращения: 23.09.2022).
34. *World Bank national accounts data, GDP growth (annual %) — Iran, Islamic Rep.* URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=IR&view=chart> (дата обращения: 23.09.2022).
35. Farzanegan, M. R. and Hayo, B. (2019), Sanctions and the shadow economy: Empirical evidence from Iranian provinces, *Applied Economics Letters*, vol. 26 (6), pp. 501–505.
36. Dastgerdi, H. G., Yusof, Z. V. and Shahbaz, M. (2018), Nexus between economic sanctions and inflation: A case study in Iran, *Applied Economics*, vol. 50 (49), pp. 5316–5334.
37. Кожанов, Н. и Исаев, Л. (2019), Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие, *Азия и Африка сегодня*, № 7, с. 24–31.
38. Islamic Republic of Iran, *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/en/Countries/IRN> (дата обращения: 23.09.2022).
39. *According to Statistical Center of Iran*. URL: <https://www.amar.org.ir/english/SCI-News-Archive/ID/11564/CPI-by-Provinces-in-the-Month-of-Mehr-of-the-Year-1398> (дата обращения: 23.09.2022).
40. Timofeev, I. N. (2019), Rethinking Sanctions Efficiency, Evidence from 205 U.S. Government Enforcement Actions Against Business, *Russia In Global Affairs*, no. 3 (July–September), pp. 86–108.
41. Clawson, P. (2013), Iran beyond Oil?, *Policy Watch*. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-beyond-oil> (дата обращения: 23.09.2022).
42. Drummond, J. and Khalaj, M. (2011), Iran Finds Way Round Petrol Sanctions, *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/fabc2bba-32da-11e0-9a61-00144feabd0> (дата обращения: 23.09.2022).

43. Saul, J. and Kasolowsky, R. (2010), Iran feels sanctions heat at UAE ports, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-emirates-shipping/iran-feels-sanctions-heat-at-uae-ports-idUSTRE67211520100803> (дата обращения: 23.09.2022).

44. Irish, J. and Alkousaa, R. (2019), Skirting U.S. sanctions, Europeans open new trade channel to Iran, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-sanctions-eu/germany-france-britain-to-launch-mechanism-for-trade-with-iran-idUSKCN1PP0K3> (дата обращения: 23.09.2022).

45. JСРОА: *Chair's Statement following the meeting of the Joint Commission on 26 February 2020, European External Action Service*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/75190/jcroa-chairs-statement-following-meeting-joint-commission_en (дата обращения: 23.09.2022).

46. *Press release on 27 February 2020: United States and Switzerland Finalize the Swiss Humanitarian Trade Arrangement, U.S. Department of the Treasury*. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm919> (дата обращения: 23.09.2022).

47. General License No. 8 Authorizing Certain Humanitarian Trade Transactions Involving the Central Bank of Iran on 27 February 2020, *Office of Foreign Assets Control, U.S. Department of the Treasury*. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/gtsr_gl8.pdf (дата обращения: 23.09.2022).

48. *Leader's Speech to Government Officials on 24 July 2012*. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1655/Leader-s-Speech-to-Government-Officials> (дата обращения: 23.09.2022).

Статья поступила в редакцию 22 августа 2022 г.,
рекомендована к печати 12 октября 2022 г.

Контактная информация:

Тимофеев Иван Николаевич — канд. полит. наук, доц.; itimofeev@russiancouncil.ru
Сокольщик Юлия Сергеевна — программный координатор; ytimofeeva@russiancouncil.ru
Морозов Владимир Анатольевич — эксперт; vmorozov@russiancouncil.ru

Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the new international context

I. N. Timofeev¹, Yu. S. Sokolshchik², V. A. Morozov²

¹ MGIMO University,
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

² Russian International Affairs Council,
8, 4-у Dobryninsky per., Moscow, 119049, Russian Federation

For citation: Timofeev I. N., Sokolshchik Yu. S., Morozov V. A. Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the new international context. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 405–420. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404> (In Russian)

The escalation of sanctions pressure and the expansion of the range of sanctions used against Russia provides for understanding the importance of studying international experience in countering restrictive measures. The article discusses the features of the application of sanctions against Iran, their impact on the economy of the state, as well as the mechanisms and ways of its adaptation to the restrictive measures of Western countries. The authors identify typological similarities, in view of which the study of the Iranian experience is significant for Russia, and differences that deserve attention in terms of understanding Russia's capabilities in this area. Iran has been under sanctions for several decades, large-scale and numerous restrictions have been applied against it. The nuclear deal contributed to eased sanctions pressure for a short period only, proving that such agreements on concessions by the target country in response to the lifting of restrictions by the initiating states are not always sustainable. As a result of the analysis, the main stages of imposing sanctions against Iran are defined. The authors highlight the trend towards sanctions against the energy and financial sector and its constant tightening, as well as the increasing number of participants in the coalition of initiating

countries and the UN Security Council resolution on measures against Iran. The UN Security Council sanctions are viewed as serious measures in terms of foreign policy implications. In addition, the authors reveal the key elements of Iran's policy in the field of countering restrictive measures and adapting the economy to them. Measures related to structural changes in the economy, optimization of the social sphere, use of imperfection of sanctions regimes, diversification of international partners are indicated as such components. Thus, Iran's experience in adapting to sanctions can rather be characterized as successful and relevant for Russia, despite the different starting positions.

Keywords: sanctions, Iran, UN Security Council, countermeasures, Russia.

References

1. Timofeev, I. N. (2020), Controversial Effectiveness? Sanctions against Russia Before and After February, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 4, pp. 136–152. (In Russian)
2. Executive Order 12170 of November 11, 1979: Blocking Iranian Government property, *Office of the Federal Register*. Available at: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12170.html> (accessed: 23.09.2022).
3. Executive Order 12205 of April 17, 1980: Prohibiting Certain Transactions with Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/Executive%20Order%2012205.pdf> (accessed: 23.09.2022).
4. Executive Order 12211 of April 17, 1980: Prohibiting Certain Transactions with Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12211.pdf> (accessed: 23.09.2022).
5. Executive Order 12282 of January 19, 1981: Revocation of Prohibitions Against Transactions involving Iran, *Office of the Federal Register*. Available at: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12282.html> (accessed: 23.09.2022).
6. Executive Order 12613 of October 29, 1987: Prohibiting imports from Iran, *Office of the Federal Register*. Available at: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12613.html> (accessed: 23.09.2022).
7. Executive Orders 12957 of March 15, 1995: Prohibiting Certain Transactions with Respect to the Development of Iranian Petroleum Resources, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12957.pdf> (accessed: 23.09.2022).
8. Executive Order 12959 of May 6, 1995: Prohibiting Certain Transactions with Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/12959.pdf> (accessed: 23.09.2022).
9. Executive Order 13059 of August 19, 1997: Prohibiting Certain Transactions WITH Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/13059.pdf> (accessed: 23.09.2022).
10. Public Law 104-172: *Iran and Libya Sanctions Act signed on 5 August 1996*, *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf> (accessed: 23.09.2022).
11. Resolution 1696 (2006), Adopted by the Security Council at its 5500th meeting, on 31 July 2006, *United Nations*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/450/22/PDF/N0645022.pdf?OpenElement> (accessed: 23.09.2022).
12. Resolution 1737 (2006), Adopted by the Security Council at its 5612th meeting, on 23 December 2006, *United Nations*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/681/42/PDF/N0668142.pdf?OpenElement> (accessed: 23.09.2022).
13. Resolution 1747 (2007), Adopted by the Security Council at its 5647th meeting on 24 March 2007, *United Nations*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/281/40/PDF/N0728140.pdf?OpenElement> (accessed: 23.09.2022).
14. Resolution 1803 (2008), Adopted by the Security Council at its 5848th meeting, on 3 March 2008, *United Nations*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/257/81/PDF/N0825781.pdf?OpenElement> (accessed: 23.09.2022).
15. Resolution 1929 (2010), Adopted by the Security Council at its 6335th meeting, on 9 June 2010, *United Nations*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/396/79/PDF/N1039679.pdf?OpenElement> (accessed: 23.09.2022).

16. Public Law 111-195 of July 7, 2010: Comprehensive Iran Sanctions, Accountability and Divestment Act, *U.S. Congress*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/hr2194.pdf> (accessed: 23.09.2022).
17. Public Law 112-158 of August 10, 2012: Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act, *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ158/PLAW-112publ158.htm> (accessed: 23.09.2022).
18. Public Law 112-239 of January 2, 2013: National Defence Authorization Act for Fiscal Year 2013, *U.S. Congress*. Available at: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/pl112_239.pdf (accessed: 23.09.2022).
19. Council Decision 2012/35/CFSP of 23 January 2012 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran, *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:019:0022:0030:EN:PDF> (accessed: 23.09.2022).
20. Council Decision 2012/635/CFSP of 23 January 2012 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran, *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:282:0058:0069:EN:PDF> (accessed: 23.09.2022).
21. Graaf, Th. Van de (2013), The “Oil Weapon” Reversed? Sanctions Against Iran and US-EU Structural Power, *Middle East Policy*, vol. 20 (3), pp. 145–163.
22. *Joint Comprehensive Plan of Action signed in Vienna on 14 July 2015, Council of the European Union*. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/iran_joint-comprehensive-plan-of-action_en.pdf (accessed: 23.09.2022).
23. Executive Order 13716 of January 16, 2016: Revocation of Executive Orders 13574, 13590, 13622, and 13645 with Respect to Iran, Amendment of Executive Order 13628 with Respect to Iran, and Provision of Implementation Authorities for Aspects of Certain Statutory Sanctions Outside the Scope of U.S. Commitments under the Joint Comprehensive Plan of Action of July 14, 2015, *U.S. Government Publishing Office*. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201600020/pdf/DCPD-201600020.pdf> (accessed: 23.09.2022).
24. Public Law 115-44 of August 2, 2017: Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act, *U.S. Government Publishing Office*. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-115publ44> (accessed: 23.09.2022).
25. Executive Order 13846 of August 6, 2018: Reimposing Certain Sanctions with Respect to Iran, *U.S. Federal Register*. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/08/07/2018-17068/reimposing-certain-sanctions-with-respect-to-iran> (accessed: 23.09.2022).
26. Executive Order 13871 of May 8, 2019: Imposing Sanctions with Respect to the Iron, Steel, Aluminum, and Copper Sectors of Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13871.pdf> (accessed: 23.09.2022).
27. Executive Order 13902 of January 10, 2020: Imposing Sanctions with Respect to Additional Sectors of Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13902.pdf> (accessed: 23.09.2022).
28. Executive Order 13876 of June 24, 2019: Imposing Sanctions with Respect to Iran, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13876.pdf> (accessed: 23.09.2022).
29. U.S. Imports from Iran of Crude Oil and Petroleum Products, *U.S. Energy Information Administration*. Available at: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIM_NUS-NIR_2&f=A (accessed: 23.09.2022).
30. Preeg, E. H. (1999), *Feeling Good or Doing Good with Sanctions: Unilateral Economic Sanctions and the U.S. National Interest*, Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies.
31. Askari, H., Forrer, J., Teege, H. and Yang, J. (2001), US Economic Sanctions: Lessons from the Iranian Experience, *Business Economics*, vol. 36 (3), pp. 7–19.
32. Torbat, A. E. (2005), Impacts of the US Trade and Financial Sanctions on Iran, *The World Economy*, vol. 28 (3), pp. 407–434.
33. Iran Sanctions, *Report by Congressional Research Service (updated on April 14, 2020)*, *U.S. Congress*. Available at: <https://fas.org/spp/crs/mideast/RS20871.pdf> (accessed: 23.09.2022).
34. *World Bank national accounts data, GDP growth (annual %) — Iran, Islamic Rep.* Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=IR&view=chart> (accessed: 23.09.2022).
35. Farzanegan, M. R. and Hayo, B. (2019), Sanctions and the shadow economy: Empirical evidence from Iranian provinces, *Applied Economics Letters*, vol. 26 (6), pp. 501–505.
36. Dastgerdi, H. G., Yusof, Z. B. and Shahbaz, M. (2018), Nexus between economic sanctions and inflation: A case study in Iran, *Applied Economics*, vol. 50 (49), pp. 5316–5334.

37. Kozhanov, N. and Isaev, L. (2019), Iran and Sanctions: Experience of Overcoming and Influence on Socio-Economic Development, *Aziia i Afrika segodnia*, no. 7, pp. 24–31. (In Russian)
38. Islamic Republic of Iran, *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/en/Countries/IRN> (accessed: 23.09.2022).
39. *According to Statistical Center of Iran*. Available at: <https://www.amar.org.ir/english/SCI-News-Archive/ID/11564/CPI-by-Provinces-in-the-Month-of-Mehr-of-the-Year-1398> (accessed: 23.09.2022).
40. Timofeev, I. N. (2019), Rethinking Sanctions Efficiency, Evidence from 205 U.S. Government Enforcement Actions Against Business, *Russia In Global Affairs*, no. 3 (July–September), pp. 86–108.
41. Clawson, P. (2013), Iran beyond Oil?, *Policy Watch*. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-beyond-oil> (accessed: 23.09.2022).
42. Drummond, J. and Khalaj, M. (2011), Iran Finds Way Round Petrol Sanctions, *The Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/fabc2bba-32da-11e0-9a61-00144feabd0> (accessed: 23.09.2022).
43. Saul, J. and Kasolowsky, R. (2010), Iran feels sanctions heat at UAE ports, *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-iran-emirates-shipping/iran-feels-sanctions-heat-at-uae-ports-idUSTRE6721I520100803> (accessed: 23.09.2022).
44. Irish, J. and Alkousaa, R. (2019), Skirting U.S. sanctions, Europeans open new trade channel to Iran, *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-sanctions-eu/germany-france-britain-to-launch-mechanism-for-trade-with-iran-idUSKCN1PP0K3> (accessed: 23.09.2022).
45. JCPOA: Chair's Statement following the meeting of the Joint Commission on 26 February 2020, *European External Action Service*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/75190/jcpoa-chairs-statement-following-meeting-joint-commission_en (accessed: 23.09.2022).
46. Press release on 27 February 2020: United States and Switzerland Finalize the Swiss Humanitarian Trade Arrangement, *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm919> (accessed: 23.09.2022).
47. General License No. 8 Authorizing Certain Humanitarian Trade Transactions Involving the Central Bank of Iran on 27 February 2020, *Office of Foreign Assets Control, U.S. Department of the Treasury*. Available at: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/gtsr_gl8.pdf (accessed: 23.09.2022).
48. *Leader's Speech to Government Officials on 24 July 2012*. Available at: <http://english.khamenei.ir/news/1655/Leader-s-Speech-to-Government-Officials> (accessed: 23.09.2022).

Received: August 22, 2022
Accepted: October 12, 2022

Authors' information:

Ivan N. Timofeev — PhD in Political Sciences, Associate Professor; itimofeev@russiancouncil.ru
Yulia S. Sokolshchik — Program Coordinator; ytimofeeva@russiancouncil.ru
Vladimir A. Morozov — Expert; vmorozov@russiancouncil.ru